

Василий Ульяновский

«СВЯЩЕНСТВО» И «ЦАРСТВО» В НАЧАЛЕ СМУТЫ

МОСКОВСКИЕ ПАТРИАРХИ, РОССИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ, ДУХОВЕНСТВО ВОСТОКА

Василий Ульяновский

«СВЯЩЕНСТВО»
И «ЦАРСТВО»
В НАЧАЛЕ СМУТЫ

МОСКОВСКИЕ ПАТРИАРХИ,
РОССИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ,
ДУХОВЕНСТВО ВОСТОКА

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2021

УДК 94
ББК 63.3(2)44
У47

Ульяновский В. И.

У47 «Священство» и «царство» в начале Смуты : Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. — 808 с.

ISBN 978-5-4469-1782-2

В книге представлена система взаимоотношений Лжедмитрия I с Церковью через ее структуры (соборы Кремля, центральные и провинциальные монастыри, пустыни, храмы по всему государству), священство («белое» и «черное» духовенство) и первоиерархов (Московские Патриархи).

Эти взаимоотношения исследуются на общецерковном, корпоративно-групповом, региональном и индивидуальном уровнях, что позволяет увидеть разнообразие, особенности и отдельные нюансы жизни российского общества «самозванцева времени». Изучается духовное состояние и многомерные проявления религиозности населения Московского царства на примере разных социальных групп, регионов и конкретных лиц. Раскрываются стиль, формы и суть взаимоотношений с Лжедмитрием I церковных центров и иерархии Православного Востока.

Книга предназначена историкам, религиоведам, а также широкому кругу читателей.

УДК 94
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-4469-1782-2

9 785446 1917822

© В. И. Ульяновский, 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Парадигма церковных структур в «самозванцево время»: исследовательские координаты	6
2. Три Патриарха «самозванцева времени» в тени «царства»	41
2.1. Первопрестольный Иов: конец пути	44
2.1.1. По царскому благоволению: от Грозного до Годунова	44
2.1.2. Патриарх в действии / бездействии	54
2.1.3. Первоизбранный царь и святитель Иов	64
2.1.4. Глава Церкви и чудовский инок: святитель Иов vs монах Григорий ...	73
2.1.5. Защитник Годуновых: последний и единственный	79
2.1.6. Низложение и ссылка	94
2.1.7. Вновь призванный: Иов в акциях Василия Шуйского	105
2.1.8. Смерть и прославление первосвятителя	108
2.2. Игнатий: Патриарх Самозванца	118
2.2.1. Проблема происхождения: «греческое время»	120
2.2.2. Начало «московского времени»	126
2.2.3. Рязанская и Муромская кафедра: деяния архиепископа-грека	128
2.2.4. Патриаршество: свершенные дела и проблема оценок	134
2.2.5. Лишение Патриаршества, попытки возвращения, виленское «сидение»	166
2.3. Гермоген: путь к патриаршеству	177
2.3.1. Жизнь Гермогена в «до-самозванцево время»: краткий экскурс ...	179
2.3.2. Митрополит Гермоген в «самозванцево время»	188
2.3.3. Патриарх Гермоген в «пост-самозванцево время»: главные деяния .	200
3. Святые и обители Москвы в «самозванцево время»	218
3.1. Святые Кремля в «орбите» царя Дмитрия Ивановича	225
3.1.1. Кремлевский Чуда архангела Михаила в Хонах монастырь	225
3.1.2. Царская усыпальница: Архангельский собор	251
3.1.3. Главная церковь России: Успенский собор	264
3.1.4. Сокровищница сакрума: Благовещенский собор	273
3.1.5. Женская святость: Вознесенский царицын монастырь	279
3.2. Московские обители «самозванцева времени»	283
3.2.1. Богоявленский монастырь	283
3.2.2. Спасо-Андроников монастырь	285
3.2.3. Успенский Симонов монастырь	287
3.2.4. Новоспасский монастырь	293
3.2.5. Новодевичий монастырь	300

4. Главные святыни и обители Московского царства в начале Смуты	310
4.1. Троице-Сергиев монастырь	310
4.2. Иосифо-Волоколамский Свято-Успенский монастырь	340
4.3. Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь	351
4.4. Кирилло-Белозерский Свято-Успенский монастырь	361
4.5. Костромской Ипатьевский Троицкий монастырь	402
4.6. Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь и ближние обители	412
4.7. Владимирский Рождества Богородицы монастырь	427
4.8. Монастыри Суздаля	438
4.9. Николаевский Краснохолмский Антониев монастырь	446
4.10. Троицкий Калязин монастырь	452
4.11. Антониево-Сийский Троицкий монастырь	454
4.12. Серпуховский Владычный Введенский монастырь	461
4.13. Кирилло-Новозерский Воскресенский монастырь	463
4.14. Ростовские обители и иерархи	466
4.15. Святыни Новгорода и епархии	473
4.16. Псково-Печерский монастырь и святыни Псковской земли	491
4.17. Рязанские и муромские обители и храмы	498
4.18. Нижегородские монастыри	503
4.19. Астраханский Троицкий монастырь	508
4.20. Монастыри Переславля Залесского	511
4.21. Белёвский Спасо-Преображенский монастырь	514
4.22. Монастыри Казани и епархии	516
4.23. Святыни Архангельского края	519
4.24. Грамоты, которых нет, и случайные находки о монастырях «самозванцева времени»	524
4.25. По следам монастырской эпопеи Самозванца: дочудовский период	533
5. Люди и нравы в «самозванцево время»: сакральное и профанное в религиозных воззрениях	555
5.1. Религиозные воззрения Смуты и их проявления в нарративах эпохи.	556
5.1.1. Знамена	556
5.1.2. Вера / неверие в спасение царевича	560
5.1.3. Видения — послания и посланники из «Небесного мира»	565
5.2. «Народная религиозность»: содержание и формы проявления.	572
5.3. Религиозность социума «самозванцева времени»: видение извне и изнутри	594
5.4. Чудеса, праведные и святые в «самозванцево время»	610
6. Вселенское Православие и Московское царство в начале Смуты.	620
6.1. Иерархи-греки на русских кафедрах и в церковных делах: визионеры патриарших престолов	621
6.2. Греческое священство в Речи Посполитой: свидетельства о событиях в Московском царстве.	631
6.3. Греческие церковные миссии в Москву: информация о Самозванце и действиях Годунова	645
6.3.1. Иерусалимская миссия: информация явная и скрытая	646
6.3.2. Просители «прямые» и «кривые»: сведения истинные и ложные ...	653

6.3.3. Дары и надежды Вселенского Патриархата	660
6.3.4. «Восточные страсти», или Конкуренция просителей	664
6.4. Три послания Иерусалимского Патриарха Софрония: кому же слава, победа и воздаяние?.....	668
6.5. Львовское ставропигиальное братство и его связи с Россией.....	685
6.6. Греки и львовские братчики о Самозванце после его смерти.....	691
Post scriptum	697
Источники и литература	699
Архивные источники	699
Опубликованные источники	705
Исследования	719
Указатель имен	768

1. ПАРАДИГМА ЦЕРКОВНЫХ СТРУКТУР В «САМОЗВАНЦЕВО ВРЕМЯ»: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ КООРДИНАТЫ

«Смутное время» — так называли нестроения, происходившие в Московском царстве с 1604 и фактически по конец 1619 г. уже современники, а затем это определение подхватили историки. Оно было весьма объемным, включая династический кризис, социальные движения, иностранное вмешательство, а также кризис духовности¹. Начало «Смутному времени» положило появление Лжедмитрия I. Несмотря на многочисленные труды, в отношении этого героя российской истории и сегодня остаются актуальными слова известного исследователя Смуты, отца-иезуита Павла Пирлинга, высказанные им в письме (от 18 апреля 1898 г.) к самому знаменитому российскому смутологу академику С.Ф. Платонову: «Самозванец — какой-то призрак, которого трудно уловить»². Время идет, а призрак остается неуловимым даже для историков. Еще в XIX в. в так называемом «Доме готическом» в Пулавах польские историки видели часы, будто бы принадлежавшие Дмитрию Самозванцу, с надписью, что их изготовил в Москве в 1575 г. Жоан Яков Луидебер³. Выходит, даже часы Самозванца сохранились (условно), «самозванцево время» занесено на скрижали истории, а «владелец» этого времени и самих часов, его отсчитывавших, так и остается во многом скрытым вуалью времен и теней. «Реконструкции» этого времени и деяний героя, многократно представленные учеными (и не только), по большей части скорее конструкты, нежели «объективизация прошлого». Как ни странно, созданный еще при Борисе Годунове искусственный конструкт личности и деяний Самозванца продолжает победно шествовать по проторенной дороге историографии.

Отношение же Лжедмитрия I к Церкви и церковным структурам долгое время оставалось не только «неуловимым», но и слабо исследованным. Этому в значительной степени способствовало церковное проклятие и занесение Самозванца в число знаковых отрицательных героев российской

---

¹ См.: *Лисейцев Д.В.* Смутное время: содержание, происхождение и хронологические рамки // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). М., 2003. С. 318–328.

² РНБ ОР. Ф. 585. Д. 3821. Л. 4 об.

³ *Poczet pamiatkek zachowanych w "Domu gotyckim" w Pulawach.* Warszawa, 1828. S. 48; *Dzieduszyci M.* Dni, nocy, godziny. Lwów, 1874. S. 100.

истории. Еще в середине XIX в. Виктор Аскоченский возмущался: «Меня всегда оскорбляло это анафематствование несчастных Отрепьева и Мазепы. Это уж из рук вон как плохо. Суд Божий совершился над ними — зачем же трогать их кости? Положим, они были злодеи, но ведь они — люди; пощадите же, люди, их! Не трогайте тех, над коими уже почил страшно отомстившая им десница Божия. Отрепьев — ведь *это сфинкс, которого до сих пор еще никто не разгадал* (выделение наше. — В. У.), и, Бог знает, может быть, кровь его лежит неистребимым пеплом на нас и на чадах наших... мысль невольно остановится неподвижно на этом нерешенном вопросе о Гришке: кто он и кого убили русские?»⁴ Парадигма «загадки Самозванца» стала нерешенным топом историкографических разысканий «несогласных», тех авторов, которых не устраивала однозначно принятая официальная версия.

Мы не станем размышлять на этот счет, не будем искать генетический и генеалогический локусы Лжедмитрия I, поскольку довольно давно идем иным путем — от обратного: изучение деяний Самозванца, его идей, текстов, жестов и действий, его замыслов и личностных качеств. Это, по нашему мнению, рано или поздно позволит ретроспективно «увидеть» путь героя в предыдущие, «до-самозванцевы» этапы его жизни.

В настоящей книге, как и в предыдущей⁵, мы намерены представить церковную жизнь России во времена Самозванца. Сосредоточимся не столько на деятельности трех первых патриархов (хотя им посвящены отдельные очерки), сколько на монашестве и жизни как важнейших, так и малых, даже захудалых российских обителей, а также духовенстве главнейших столичных соборов. Это позволит увидеть положение и «работу» духовного сословия России в целом во времена царя Дмитрия Ивановича, приблизиться к пониманию феномена резкой смены «государственной молитвы» от анафемы Самозванцу до всецерковного предстояния за него, а затем до более сильного проклятия — как орудия дьявола. Ведь в сознании социума должен был произойти сложный психологический и религиозный (замена определения «еретик и слуга дьявола» на «богоспасаемый и богохранимый государь») перелом, который особенно остро ощутим для священства и монашества, поскольку именно эти категории духовенства целый год усердно анафематствовали «ростигу Гришку Отрепьева, еретика и чернокнижника», а с июля

⁴ Дневник Виктора Ипатьевича Аскоченского // Исторический вестник. 1882. № 2. С. 331–332 (выделение текста наше).

⁵ Ульяновский В. И. Смутное время. М., 2006. 456 с. К сожалению, вынуждены указать на два досадных обстоятельства: название работы не отвечает содержанию, поскольку издательство без согласования с автором его изменило («Священство» и «царство» в начале Смуты), кроме того, были сокращены все моменты, в которых автор полемизирует с коллегами (поскольку «массовому читателю» это неинтересно). Всё это вызывает справедливые нарекания коллег, но автор не может принять критику только в свой адрес и, со всей благодарностью к издательству «Европа», предлагает всё же его руководству и сотрудникам разделить с нами меру ответственности.

1605 г. пели многолетие ранее анафематствованному Самозванцу, ставшему царем, затем, после его низвержения, вновь вернулись к анафеме «орудию дьявола», но с особой силой — после канонизации царевича Дмитрия.

Уже современники Смуты пытались понять изменение парадигмы мышления в этом случае. Автор «Пискаревского летописца» размышлял: «Попрася правда, отиде истина, разлился беззаконие и душа многих христиан изменися: слово их, аки роса утренняя, глаголы их, аки ветер! И дивися убо о сем вся вселенная, и паче ужасаются сущия христиания! Кто не ужасается, кто не дивится, кто не возплачется слыша убо о сем? Ни книги царьственныя глаголют, ни отческие свидетельствуют такова чудеси за наши грехи. Никому же есть мошно по пряму изчести и писанию предати!»⁶ А вот по мнению Авраамия Палицына, «все российское государство в безумие вдашаяся и возлюбивша вси лезть и лукавство», «к Богу не обращахуся, но радующеся в торзех многим прибытком и воздыхающе вси, но серебро любезно вси собирающе», «покоршеса вси митрополиты, архиепископы, архимандриты и игумены»⁷. Троицкий келарь видел не только «всеобщий психоз» и серебролюбие, но и их главную причину — «дьявольское наваждение», которое и свело «всенародное множество» с пути праведного. На дипломатическом уровне даже Василий Шуйский в наказе своим послам в Польшу счел нужным объяснить ситуацию: «Церковь колеблющуся и едва пасти ся нехотящу <...> овии же от страха ослабеша верою; народное же множество яко обьюродевши, не стыдяшеса ни величества муж, ни святительска сана, ни честных бывших стратиг: овии от прелести вражия сего проклятаго волка (т. е. Лжедмитрия I. — В. У.) и от латын проклятых еретиков, овии же и знающе прелесть, но злобою на Бориса дышуще, понеже убо сей скифетро правяще сурово, а не царски, и вся злая царству их конечной погибели случашеса. Увы, хто не постонет и зело не печалет о таковых, яже грех ради наших бываемая»⁸. Царь Василий Иванович, таким образом, фиксировал страх, юродство и желание мести / зла Годунову. Столь обильный негатив, «разлитый» во всех слоях российского общества, и создал ту почву, на которой появился и победил (пусть на короткое время) Самозванец. Тем не менее, все приведенные оценки не смогли убедительно объяснить ситуацию в отношении не только истории Лжедмитрия I, но и его восприятия российским обществом. А уж тем более перечисленные обстоятельства не могли представить «душу» этого общества — духовенство всех уровней и его поведение в «самозванцево время».

Конечно, следует вспомнить концептуальное положение, заостренное Ю. М. Лотманом: власть в русском средневековом обществе наделялась чертами святости и истинности, царь воспринимался как «живая икона», а его суд как «суд Божий», посему царь имел особый сакральный статус.

⁶ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 205.

⁷ Сказание Авраамия Палицына / Публ. О. А. Державиной. Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 112–113, 262–263.

⁸ Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 137. М., 1912. С. 194.

Лжедмитрий I сразу же был воспринят как «праведный» царь в противовес «неправедному» Годунову. Но уже через год сам царь Дмитрий Иванович был признан «неправедным» и однозначно связан с дьяволом⁹. Однако такое обобщение лишь теоретически может объяснить ситуацию: анафема — молитва — еще более сильная анафема. Ярчайший визуальный пример такой кардинальной смены оценок Самозванца — миниатюра из лицевого летописца XVII в. с изображением царя Дмитрия Ивановича на троне, возможным автором которой было выскоблено его лицо и провал-преисподняя, а сама фигура изображена поникшей, с опущенными руками¹⁰.

В приведенной схеме-триаде (анафема — заздравная молитва — сугубая анафема) нас больше всего интересует краткий период молитвы и прославления «праведного» царя Дмитрия Ивановича. Ведь фактически памятники публицистики Смуты заложили прочный фундамент лишь анафемы, мощно «забетонировав» краткий период осанны¹¹. И если у Лжедмитрия I при жизни было немало почитателей, то по смерти — почти все обличители¹². Самозванец надолго предстал для общественного мнения в образе лже-Христа, раба страстей, своевластия-своеволия и «ложного царя»¹³.

В понимании Ивана Тимофеева, царь соединяет в себе царское тело и царскую душу, но у лжецарей сан отделяется от носителя, Самозванец перестал

⁹ Лотман Ю. М. Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4. С. 36–37.

¹⁰ Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М., 2011. С. 25.

¹¹ Самая «изысканная» характеристика Лжедмитрия I представлена в хронографе: «Бысть убо человек зломысльствен, речением же многословен, и ко книжному прочтанию борзозрителен, но не на благо, нравом же лукав и скверноумен, и естеством плоти зело незрачен и скупоростен, а сердцем лют и свиреподушен, и исполнен всякого пронырства лукаваго и беснования, ядовит злобою, аки смертодыхательная скорция, яже зрением уморяя многия. Глаголаша же о нем многи, яко по всему уподобитися ему нравом и делом скверному законопреступнику нечестивому мучителю царю Иулиану, иже с бесы волхвуя и вся проклятыя веры похваляя, а на православное християнство лютое мучительство простирая и хваляся на вся страны греческия, еже погасити в ней Христово благочестие, и святыню его истнिति; но не попусти ему Христова сила конечно сего сотворити. Тако же и сей мерзоядный вепрь, оставив убо благочестивыя веры свет, и поправ великий чин дияконьский, и сверг с себя светлое одеяние иноческое, и веру православную, юже утвердиша седмию святыми соборы вселенскими богоносные отцы, сию поноси, глаголаше “а что то за соборы, ино то соборы мощно, рече, быти осмому или девятому”. Тако же о латинех глаголаше: “яко несть порока в них, одинако все, яко вера латынская, тако же и греческая”» (Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 192, 234, 269, 407).

¹² Гордеев Н. П. Риторика обличителей и почитателей Дмитрия Самозванца // Вестник общества исследователей Древней Руси за 2001 г. М., 2003. С. 76–80.

¹³ Солодкин Я. Г. Авраамий Палицын о верховной власти в Московском государстве // Историко-философский ежегодник 2002. Екатеринбург, 2002. С. 58.

соответствовать высокому призванию, поскольку носителем сана становится просто предприимчивый человек. Самозванец — это царь-разрушитель, расстриженный инок, отделенный от общества «двойной иерархической смертью» (пострижением — от государства, расстрижением — от Церкви), подвергнутый тайному разделению личности (внешнее церемониальное традиционное поведение и тайная внутренняя жизнь)¹⁴. И хотя были живы все, кто почитал царя Дмитрия Ивановича при жизни¹⁵, уже никто даже не пытался сравнивать его с воскресшим Лазарем, как то писали в послании к нему от 15 ноября 1604 г. донские казаки во главе с атаманом Иваном Степановым (было привезено посольскими Андреем Корелой и Михаилом Межаковым): «как Лазарь из мертвых воскрес»¹⁶. Интересно, что эту идею воскресшего «луча света» использовал в своем докладе в Нижегородской ученой архивной комиссии 18 февраля 1917 г. доктор-психиатр А. Н. Алелеков, доказывавший, что Смута была по всем медицинским признакам «психозом народа» из-за истощения-самоотравления, когда к долговековой апатии присоединилось легкое верие в воскресшего царевича. Воцарение Лжедмитрия I «на мгновение, как будто, вносит луч света, но через короткий промежуток времени — новая вспышка (болезни народа. — В. У.): смерть самозванца», после которой болезнь общества усилилась (видения на небе, галлюцинации)¹⁷. Все это, конечно, чистой воды субъективизм, однако в эпоху новой Смуты такое осмысление старой не было удивительным. При этом для объяснения использован эффект казачьего «воскресшего Лазаря» и слова Авраамия Палицына о «безумии» всего народа.

Естественно, монастырская реакция на политические процессы и изменения в государстве имела свою специфику. Православное монашество уходило от мира, и не мир существовал для обителей, а монастыри для мира. Спасение — главная цель монашества — осуществлялось в стенах обителей независимо от смены правителя, особенно если новый царь, пускай лишь внешне, придерживался традиционного почитания святых и чтит институт монашества. Естественно, монастыри не занимали и не держались какой-то особой самостоятельной позиции относительно «царства» и его конкретных носителей. С другой стороны, обители были в подчинении епархиальных архиереев и Патриарха, исполняя беспрекословно их указания относительно переориентации на нового главу государства, и в первую очередь

¹⁴ *Коротченко М.А.* Публицистика Смутного времени (проблематика, авторская позиция, влияние церковной публицистики конца XV — начала XVI в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. С. 10–13.

¹⁵ Например, Иван Хворостинин, который привел и положительные черты образа Самозванца. См.: *Шалак М.Е.* Царствующие особы Смутного времени в оценке русских современников // Рубикон. Вып. 20. Ростов н/Д., 2002. С. 38–39.

¹⁶ *Александренко В.Н.* Материалы по Смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. Т. 14. М., 1911. С. 413.

¹⁷ Реферат доклада приведен в письме Н. И. Драницина к С. Ф. Платнову: РНБ ОР. Ф. 585. Д. 2826. Л. 17–19.

в поминании на литургиях, а затем уже по собственной инициативе добивались возобновления грамот на владения и льготы. Таким образом, по приказу духовных властей монастырское священноначалие как проклониало Самозванца, так и славилو царя Дмитрия Иоанновича, вписывая и вычеркивая из служебников династию Годуновых и т. д.

С другой стороны, и Самозванец был человеком с «двумя лицами». Его публичное этикетное поведение в образе царя было достаточно традиционным, но его «личное время» виделось современникам как череда нарушений установленных норм. На подавляющее большинство подданных, в том числе духовенства, действовал именно публичный образ царя, его жесты и его поступки, продолжающие устоявшуюся модель управления подданными, в том числе церковной структурой, в частности монастырями. Именно эта «официальная модель жизни» царя Дмитрия Иоанновича была видна, документально зафиксирована и более-менее могла быть доступной исследователям, если бы они ею предметно заинтересовались, выйдя из-под густой тени нарративов Смутного и послесмутного времени.

«Жестовая история» как нельзя более подходит для реконструкции не только фасадного, но и внутреннего мира Самозванца даже на церковном поприще. На государственном уровне именно в системе жестов (в широком понимании) новый царь поддерживал имидж православного российского царя-династа, истинного наследника «благочестивейшего» Иоанна Васильевича, покровителя Церкви, принимая и развивая идею сакрализации царской власти и теории «Москва — Третий Рим». Более того, Дмитрий Иванович возродил идею священной войны против турецкого засилья и освобождения Святых Мест, выступая «христианнейшим монархом» и соперничая с испанским королем и римским императором. Даже современники-иностранцы, представители других конфессий, отмечали, что царь «соблюдал все их (православных. — В. У.) обряды». Об этом, в частности, писали начальник личной охраны самодержца капитан Яков Маржерет, а также весьма наблюдательный польский шляхтич Станислав Немоевский¹⁸. А в 1608 г. польские послы уверенно заявляли перед московскими боярами, что Самозванец «через весь час свою прирочную рускую веру держал, что всем в Москве ведомо», и бояре не оспаривали это утверждение¹⁹.

В свое время (1900 г.) упомянутый Павел Пирлинг упрекнул Сергея Платонова за то, что он, рассмотрев все сословия во времена Смуты, «не увидел» духовенства. При этом ученый иезуит отметил: «Есть у меня еще сомнения: был ли Димитрий друг или недруг монахов. На словах, между своими, он был, конечно, недруг, но на деле он их щадил, чуя, пожалуй, опасность с их

¹⁸ Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 155, 214; Записки Станислава Немоевского // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. А. Вахрамееву. М., 1907. Вып. 6. С. 118.

¹⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АЗР) / Ред. прот. И. Григорович. Т. IV. СПб., 1851. С. 267.

стороны...»²⁰ Эти сомнения Пирлинга можно сделать весьма предметными, если собрать всю информацию о жизни монастырей «самозванцева времени» и их отношениях с царской властью. И сегодня приходится констатировать актуальность мыслей Павла Пирлинга, высказанных в письмах к А. С. Суворину: 1) (20 апреля 1901 г.): «Мы сперва писали историю Димитрия, а теперь изучаем источники. Вот почему можно надеяться, что дойдем до положительного и неопровержимого вывода»; 2) (10 мая 1901 г.): «...вся эта история все более и более выясняется в моей голове, но всего высказывать нельзя, пока нет документальной опоры... Конечно, много материала пропало, вот почему и подробности о жизни Димитрия в Москве пока скудны»; 3) (7 января 1902 г.): «Моя цель возбудить интерес для Димитрия, чтобы добраться до самых отдаленных источников. Кое-что найдется, пожалуй, и в Индии. Странно, но вовсе не невозможно (речь шла о переписке Николая де Мело с духовными властями в Индии. — В. У.)»²¹.

К настоящему времени усилиями многих историков-археографов собран достаточно репрезентативный материал, чтобы наново писать историю церковных структур времен Самозванца. Ведь духовенство составляло значительную часть российского общества и вообще населения государства: к началу Смуты на 7 млн населения Московского царства приходилось около 100 тыс. лиц духовного сословия (1/70). Исследователи приблизительно считают по одному храму на 500 чел., получая 13 тыс. храмов на все царство, притом, главным образом, сельских (95%). В 19 епархиях Московского Патриархата насчитывалось 627 мужских и 144 женских обители²². Эта большая армия слуг Божиих и рассеянные по стране монастыри, пустыни, храмы — значительная духовная и даже физическая (если учитывать имения, доходы, монастырских служек в действующей армии) сила, оказывающая мощное влияние на все слои населения. «Священство», т.е. духовенство, в связи со сказанным было едва ли не самым мощным фактором влияния на «всенародное множество», оно «действовало» сильнее, проникновеннее и более чутко, нежели светские власти. «Священство» имело самый мощный механизм влияния — слово Божье, даже «монополию» на это слово. Следовательно, изучение именно «священства» и его поведенческих моделей в «самозванцево время» может быть важным маркером, и даже ключом к пониманию восприятия «всенародным множеством» Самозванца на разных этапах его истории.

Однако сначала небольшая вводная «предыстория» касательно проблемы «священства» и Лжедмитрия I специально в ключе монашества. Почему мы говорим об этом здесь? Эта история типична и нетипична одновременно.

²⁰ РНБ ОР. Ф. 585. Д. 3821. Л. 18 — 18 об.

²¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3301. Л. 11 об., 13–15, 17–18.

²² Кретов А. В. Роль Русской Православной Церкви в освободительном движении в эпоху Смутного времени начала XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2000. С. 10–11.

Она некий «исток» всего последующего, стоящий отдельно, поскольку Самозванец еще не царь и даже не поддерживаемый какими-то кругами «царевич». Он у черты объявления и признания, а затем за самой чертой, но на зыбкой почве. Эта история в так называемой «серой зоне», не вписывающейся напрямую во все последующие сюжеты, но начинающая монастырские истории «самозванцева времени».

Первый монастырь на территории Московского царства, в котором перед выходом за границу останавливался и, как традиционно считается, объявил себя Самозванец, была Новгород-Северская Спасо-Преображенская обитель. По информации Хронографа, весной 1602 г. архимандрит Варсанофий снабдил трех иноков — Григория, Варлаама Яцкого и Мисаила Повадина — провожатым, монахом Пименом для указания пути к Стародубу или Путивлю; по просьбе иноков Пимен указал им путь в Литву, но сам с ними не пошел²³. Однако в знаменитом «Извете Варлаама» 1606 г. вся эта история была представлена иначе: «...в Новгороде принялись в Преображенской монастырь, и строитель Захарей Лихарев поставил нас на крылосе, а тот дьякон Гришка на Благовещение день с попами служил (25 марта. — В.У.) обедню и за Пречистою ходил. И на третьей неделе после Велика дни, в понедельник, вожа добыли Ивашка Семенова, отставленного старца, да пошли на Стародуб и на Стародубский уезд: и Ивашко воз за рубеж провел в Литовскую землю»²⁴. Отвлечемся от разночтений в конкретике, включительно с именем настоятеля / строителя монастыря. Нас интересует другое — первое фактическое / воображаемое объявление о «царском происхождении». Варлаам, естественно, не мог знать о письме, оставленном Самозванцем в обители, иными словами, фактически не мог это подтвердить. О письме сообщают послесмутные нарративные источники (Хронограф, Новый летописец, Мазуринский летописец), т. е. оно могло быть воображаемым: покидая обитель, иннок Григорий будто бы оставил в келье «писание», адресованное архимандриту Варсанофию, о своем царском происхождении и обещании после воцарения пожаловать обитель за приют. Указанные летописцы передают даже содержание послания: «Аз есть царевич Дмитрий, сын царя Ивана; а как буду на престоле на Москве отца своего, и я тебя пожалую за то, что ты меня покоил у себя в обители»²⁵.

Если бы факт послания имел место, то, во-первых, Варсанофий / Захарий должен был сообщить о таком важном «государевом деле» в Москву, а во-вторых, Самозванец после прихода к власти обязан был исполнить обещание. Что же мы имеем в обозначенных источниками реалиях? Духовенство северских монастырей и храмов принимало непосредственное участие

²³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук (ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. С. 79; *Полов А. Изборник...* С. 258.

²⁴ ААЭ. Т. 2. С. 142.

²⁵ ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 60; Т. 31. М., 1975. С. 149.

в военных действиях армии Годунова против Самозванца. Награждая защитников Новгорода Северского, царь Борис Федорович приказал пожаловать (это произошло 31 января 1605 г.) монаха Новгород-Северского Спасского монастыря Ферапонта за то, что «из пушек по литовских людях стрелял», «золочену денгу» получил также слепой старец Василий, который «ходил к литовским людем в полки» для разведки, пожалование получили также рождественский поп Власий, троицкий игумен Тихон, афанасьевский поп Михаил, никольские поп Богдан и дьякон Василий, пречистенский поп Иван, никольский пономарь Сенька Клисов²⁶. О пожалованиях же Лжедмитрия I обители ничего не известно. Более того, в это время архимандритом обители был Корнилий (это указывает, что Варлаам владел более точной информацией, называя имя строителя, не игумена, по сравнению с поздними летописцами), который во время похода Самозванца, во избежание неприятностей, вместе с братией и монастырскими ценностями спасались в Рыльске, затем бежали в Севск²⁷.

С другой стороны, в монастырском музее и по сей день хранится так называемое «кресло Самозванца», что свидетельствует о сохранении в монастырском предании рассматриваемого эпизода, но помещенного уже собственно в «самозванцево время», когда в походе с войском он реально останавливался в обители. Среди бумаг Лжедмитрия I касательно Новгорода Северского удалось обнаружить лишь его грамоту от 20 марта 1606 г. о передаче в аренду городovým приказчиком Гаврилой Васильевым сыном Псаревым «бортного ухажею» местным крестьянам²⁸.

Тем не менее в истории Самозванца этот порубежный монастырь занимает «двойственную позицию»: пребывание в нем монаха Григория до бегства за рубеж и «царевича» Дмитрия в походе на Москву реальны, а его первое провозглашение себя сыном Ивана Грозного воображаемо. В этом эпизоде проявляются в целом две парадигмы оценок происходящего: во времени деяний героя и постфактум. Такой модус однозначно заложен в источники «самозванцева» и «пост-самозванцева» времени, что требует от исследователя, осознавая это, адекватно относиться к информационным рядам разновременных и разнохарактерных письменных памятников.

Вернемся к сюжету о порубежном монастыре и «священстве» в этом регионе в начале «самозванцева времени». Вообще в сражениях против Лжедмитрия I на Северщине принимало участие немало монастырских слуг, как и мобилизованных рекрутов от других церковных структур: в Большом полку патриарших детей боярских и монастырских служек было 329 человек;

²⁶ Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 71–77. Ср. роспись раздачи золотых, соболей и куниц церквям и монастырям литовских городов: РГАДА. Ф. 141, 1593 г. Д. 1. Л. 218 об.

²⁷ Кизимова С. П., Зубова Е. М. По следам святых обителей. Из истории монастырей и пустыней Брянского края. Брянск, 1999. С. 162–163.

²⁸ Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 53.

в Передовом полку — 38 детей боярских Тверского архиепископа и 187 монастырских служек (из 34 монастырей Клина, Твери, Старицы, Волока, Звенигорода, Можайска, Малого Ярославца, Мещерска, Мосальска, Серпухова, Тулы, Алексина, Перемышля); в полку Правой руки — 54 детей боярских Ростовского митрополита и 242 монастырских служки (из 26 монастырей Ростова, Ярославля, Костромы, Любима, Галича); в полкулевой руки — 11 детей боярских Коломенского архиепископа и 71 монастырский служка (из 11 монастырей Хутины, Коломны, Каширы, Рязани); в Сторожевом полку — 20 детей боярских Вологодского архиепископа и 163 монастырских служки (из 30 монастырей Пошехонья, Белозера, Вологды, Дмитрова, Кашина, Углича, Бежецкого Верха); в войсках находились также 101 человек от Рязанского архиепископа и столько же служек Кирилло-Белозерского монастыря²⁹. Посылка духовенством детей боярских и монастырских служек в войска Годунова была осуществлена в приказном порядке по царскому, патриаршему и Освященного Собора приговору от 12 июня 1604 г. В нем делался упор на желании Самозванца силой истребить православие, попать Церковь и ввести «латинство». В приговоре укорялись те, кто не спасает отечество, «не пекущиеся о гибели царства и о Святой Церкви», приводились примеры из прошлого, когда даже сами старцы и священство против недругов «множицею на войну изхождаху, крепче вооружахуся, храбро борющиеся за святую православную веру и за вся христианы, не щадя кровь свою проливаху». Однако дабы монастыри не опустели и молитвы не угасли, собственно священство на фронт не призывалось, лишь монастырские и архиерейские слуги, годные к сражениям³⁰. Это была та социальная среда, которая сначала сражалась с армией Самозванца, а затем вместе с остальными войсками перешла на его сторону, вернувшись же в родные обители и к архиерейским дворам, они несли «правду» о новом царе, которого, конечно же, не видели и не знали, но видели и знали о его быстрых победах и триумфе, о волнах народного признания и восприятия элитами государства. Именно эти

²⁹ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 34, 36–39, 53–57, 70–74, 89–90; Акты Московского государства. Т. 1. С. 65–66; *Люткина Е. Ю.* Десятина детей боярских Рязанского архиепископа 1604 г. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 157–158; *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. OCLV.

³⁰ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. СПб., 1819. С. 164. Подобное же распоряжение о наборе церковных слуг на войну против Лжедмитрия II в 1607 г. издал Василий Шуйский. Более того, он повелел и самим монахам быть готовыми сражаться за веру, если будет необходимость. Такая необходимость привела к тому, что в 1608–1609 гг. во время осады Троице-Сергиева монастыря погибло 547 монахов, слуг и служебников обители — *Арсений, иером.* Доклады, грамоты и другие акты о служках Троицкого Сергиева монастыря // ЧОИДР. 1867. Кн. 3. Отд. 1. С. 37–38.

монастырские слуги способствовали органичному восприятию и «вхождению» в коллективное бессознательное / сознаваемое образа нового царя как легитимного наследника Рюриковичей. Так он и был воспринят «священством» если не фактически, то формально.

Сам же «царевич» в ходе военной кампании попытался привлечь на свою сторону православный социум двумя способами. Сначала он повелел перенести к себе в Путивль из Курска (собственно, из Коренной пустыни) знаменитый чудотворный образ Богоматери «Знамение» из Рождественского монастыря.

По преданию, Курская «Коренная» Богоматерь была найдена 8 сентября 1295 г. на берегу реки Тускары возле Рыльска у корня дерева (отсюда — «Коренная»). Икона особо чтилась на Руси как чудотворная (осталась невредима в сгоревшей церкви)³¹. По специальному наказу Самозванца именно эту икону привез в стан «царевича» диакон курского собора Поликарп³². Лжедмитрий I пошел навстречу образу «со своими войсками, попами и москвитянами, и с великими почестями сопровождал его до самого Путивля». На следующий день крестным ходом образ обносили вокруг крепости, а затем водрузили на почетное место³³. Икона следовала за Самозванцем в Москву и лишь в 1615 г. была возвращена в Курск.

Традиционное объяснение этой акции как публичной демонстрации православности Лжедмитрием I вряд ли может быть безоговорочно принято. Для демонстрации достаточно было крестного хода с иконой, но Самозванец удерживал ее при себе не только во время похода на Москву, но и после воцарения. В Москве находилось достаточно святынь, в том числе Владимирская Богоматерь, однако Лжедмитрий I сохранял при себе именно Курский образ. Думаем, что с ним связаны личные духовные переживания Самозванца и именно эта икона ассоциировалась «царевичем» / царем с конкретными фактами покровительства ему Царицей Небесной в военной кампании.

В то время в России были известны лишь три древние иконы Богоматери типа «Знамение»: Новгородская, Владимирская и Курская. Все они (и сам тип «Знамение») считались помощницами в борьбе с врагами, в охране городов и крепостей, символизировали неистребимость сил православных,

³¹ Повесть о явлении чудотворной иконы пресвятыя Богородицы, иже нарицается Курская // Москвитянин. 1843. Ч. IV. №9. С. 138–139; РНБ. ОР. Q.IV.10. Л. 51–52; *Дебольский Г. С.* Дни богослужения православной католической восточной церкви. СПб., 1866. Кн. 1. С. 149–150.

³² Описание монастырей Российской империи. XIX в. // РНБ ОР. Владимирское собр. Д. 19. Л. 127; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1857. В повести о явлении Курской Богоматери специально описывается ее история при Самозванце (гл. 15–16), однако все повествование выдержано во враждебных Лжедмитрию I тонах, и его преклонение перед иконой обращено против него (представлено как бесовские козни и глумление над образом).

³³ Историческое и правдивое повествование о том, как московский князь Димитрий Иванович достиг отцовского престола. Чешский текст 1606. Прага, 1908. С. 12, 19.

чтущих чудотворный образ. Курская Богородица была единственным из этих знаменских образов, который находился в границах досягаемости для Самозванца. Его «православный стереотип» очень сильно, как нам представляется, сработал именно в церемонии перенесения, поклонения и крестного хода с Курским чудотворным образом. В этой акции проявлялось не столько стремление к демонстрации православности Лжедмитрия I, сколько традиционное для российского православного сознания желание защитить себя и свое дело уникальным чудотворным образом Богоматери, по традиции наделенным особой благодатью. Кроме того, для русского христианства определяющим было отношение к Богородичной иконе «как средоточию идеи Церкви, символу Церкви»³⁴.

Курский образ, что также имело значение, был особо почитаем Федором Ивановичем, «старшим братом» Лжедмитрия I, который велел принести икону в Москву, где украсил ее драгоценным окладом, а царица Ирина Федоровна в 1597 г. вышила для чудотворного образа драгоценную пелену. Именно по указу царя Федора был основан курский монастырь Рождества Богородицы для сохранения там иконы³⁵. Это также должно было показать родственную эстафету почитания чудотворного образа Богоматери всем, кто верил годуновской пропаганде о неправославности Самозванца. Однако подчеркнем: икону в Путивль должен был доставить лично настоятель Коренной пустыни (в период 1597–1611 гг. настоятелями были Евфимий, Вассиан, Давид, Серапион, Иосиф)³⁶, но привез соборный диакон Поликарп. То есть вместе с образом в лагерь Лжедмитрия I не прибыли представители монастыря. Могли ли они послушаться приказа Самозванца и выехать со святыней в безопасное место? Об этом можно лишь догадываться (по примеру Новгород-Северского монастыря), но факт остается фактом — братия передала царевичу Дмитрию Ивановичу свою святыню, пусть и посредством курского диакона.

Курская икона имела свои установленные праздники 8 марта, 8 сентября, 27 ноября. Допускаем, что одним из поводов обращения Самозванца к святыне стало какое-нибудь важное для него событие, происшедшее в один из указанных дней почитания иконы. С ее персональным культом в жизни Лжедмитрия I могут быть связаны и несколько событий, которые произошли в Путивле. В начале марта 1605 г. в Путивль явились три монаха с грамотами от Бориса Годунова и Патриарха Иова, в которых содержалось требование выдачи Самозванца и обещание милости и прощения путивлянам. На пытке один из монахов (возможно, все трое из Чудова монастыря, лично знавшие Отрепьева) сообщил, что они имели поручение отравить «царевича» и подговорили к этому двух его придворных. Все причастные к заговору

³⁴ Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 30, 50–51; Ebbinghaus A. Die altrussischen Marien-iconen-Legenden. Berlin, 1990.

³⁵ Коренная пустынь. Тула, 2007. С. 21, 24, 26–27; Сказание о чудесах Курско-Коренной иконы Знамения Пресвятыя Богородицы. Курск, 1913. С. 8–9, 17.

³⁶ Коренная пустынь. С. 137.

были публично казнены, хотя остается неясной достоверность информации, полученной посредством пытки. Сразу же после этого в Путивле появился «Гришка Отрепьев, известный по всей Московии чародей и распутник» — это, по словам иезуитов (донесение от 27 февраля / 8 марта 1605 г.), показало «для русских людей, что Дмитрий Иванович совсем не то, что Гришка Отрепьев». А находившиеся в путивльской тюрьме монахи (по-видимому, до казни, если таковая действительно имела место) написали письмо царю Борису и Патриарху Иову, что «Дмитрий есть настоящий наследник и московский князь, и поэтому Борис пусть перестанет восставать против правды и справедливости»³⁷. Все это привело к дискредитации годинцовской пропаганды против Самозванца и значительно подняло «рейтинг» последнего. В Путивль начали свозить пленных из сдавшихся «царевичу» пяти крепостей (Оскола, Валуек, Воронеж, Царева-Борисова, Белгорода). Все эти «чудесные преобразования» почти утративший надежду на успех Лжедмитрий I в силу традиции религиозного сознания мог сопоставить именно с заступничеством Богородицы через ее символ — Курскую икону.

Кстати, в Путивле Самозванец проживал в укрепленном Молченском Рождества Богородицы монастыре. Традиция указывает, что под куполом величественного собора Рождества Богородицы, куда ведет узкий проход в толще стены, находилась так называемая «потаенная восьмигранная палата» Лжедмитрия I. Сохранилось и так называемое «тронное кресло» Самозванца, а также образ Жировицкой Богоматери на холсте (считался подарком Юрия Мнишека Самозванцу)³⁸. Дореволюционные историки предполагали, что в 1605 г. скончался первый игумен путивльского монастыря Илия, и в обитель переселилась братия Молченской пустыни во главе с Пафнутием. Все это будто бы произошло еще при Самозванце. Тогда же (традиционный праздник перенесения 24 апреля) в обитель была перенесена и чудотворная икона Молченской Богородицы³⁹. Считается, что Лжедмитрий I освободил всех

³⁷ Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 210; *Pierling P. Rome et Demetrius d'après les documents nouveaux avec pièces justificatives et facsimile.* Paris, 1878. P. 204–205. См. другую интерпретацию: *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 100–103.

³⁸ *Чурочкин А., прот., Луговской А., Гильбо И.* Путивльский Молченский монастырь. Киев, 2012. С. 23–27.

³⁹ *Преображенский П.* Путивльский Молченский пещерский монастырь (Курской губернии). М., 1884. С. 11–12, 29. С другой стороны, в монастыре сохранялась и серебряная позолоченная панagia с бирюзой, которая имела надпись: «Лета 7111 при благоверном и христоролюбивом царе и государе, великом князе Борисе Федоровиче всея России самодержце и при его благоверной и христоролюбивой царице и великой княгине Марии, и при их благоверных чадах царевиче Феодоре Борисовиче и царевне Ксении, и при их отце и богомольце святейшем Иове патриархе Московском и всея России, сделана сия святая панagia повелением господина Ионы архиепископа Павлоградского (т. е. Вологодского, это Иона Думин. — В. У.) и Великопермского» (Там же. С. 30).

путивлян, в том числе монастырь и его владения, на десять лет от податей и поборов. Впрочем, в монастырском архиве хранилась грамота еще времен Федора Ивановича за подписью дворецкого боярина Григория Васильевича Годунова от 23 марта 1593 г. на имя игумена Пафнутия и братии (15 человек) с подтверждением всех земельных владений (пахотных) и угодий, лесных бортей и многочисленных рыбных ловель, а также права сдачи всех этих владений на оброк и сбора оброка с подробным перечислением каждого объекта (по переписи 1591 г. Третьяка Вельяминова и Алексея Бульчова)⁴⁰. Возможно, Самозванец переписал на свое имя этот документ с генеральным перечислением всех владений и прав обители. Не случайно Путивль не признал Василия Шуйского и встал на сторону Лжедмитрия II. Монастырь же успел получить от Василия Шуйского грамоту от 15 июля 1606 г., выданную на имя игумена Пафнутия, на рыбные ловли по реке Сейм⁴¹.

Вторым способом привлечь к себе православных подданных Московского царства было письменное обращение Лжедмитрия I ко всему православному обществу. Такое воззвание было издано Самозванцем в мае 1605 г. и ориентировано в первую очередь на Москву и москвичей, от бояр до посадских. Перечисляя все слои общества, к которым обращался претендент на престол, он не упоминал священства, монашества и кого-либо из духовенства. Возможно, потому, что знал позицию Патриарха Иова и не сомневался, что все духовенство ему подчиняется. При этом Самозванец, описывая свои злоключения с детства и попытки убийства его по приказу Бориса Годунова, указывал на Божью милость к себе, сохранившую его до совершеннолетия. Интересно, что Самозванец упомянул и о распространенном мнении, будто царевич был убит и похоронен «в Угличе в соборной церкви Всемиловитового Спаса». Все это было «неведомостью» и обманом, именно этим претендент оправдывал россиян, воевавших против него, а также страхом наказания от Годунова, прощая всем своим подданным их неведение правды и страх перед узурпатором. Более того, Самозванец уверял, что бережет души христианские, поэтому отказался от помощи татар, тогда как Мария и Федор Годуновы действуют обратным образом: Северскую землю разорили, христиан побили. Лжедмитрий призывал «души пожалеть», припомнить крестное целование Рюриковичам и бить челом ему как истинному наследнику отца трона. И вот тут Самозванец обращался к священству, но не непосредственно, а через светскую элиту. Именно московские бояре должны были прислать к нему в лагерь с челобитьем и призыванием на престол митрополитов, архиепископов, другое духовенство и светских представителей власти. Обещая разные преференции, претендент называл все социальные категории, но вновь ничего не обещал духовенству. Оно, судя по посланию, просто должно было подчиниться светской власти и вместе с боярами исполнить церемониальную функцию приглашения его на престол. Но Самозванец

⁴⁰ НБУВ. ИР. Ф. 419. Д. 141. Ст. 1–15.

⁴¹ *Преображенский П.* Путивльский Молченский печерский монастырь. С. 14.

не забыл пригрозить ослушникам Страшным Судом Божиим и «от наших царских высоких руки нигде не избыти и не в матерне утробу не укрытися вам»⁴². Это последнее заклятие оригинально и эмоционально достаточно сильное. Послание было привезено в Москву 1 июня Гавриилом Пушкиным и Наумом Плещеевым и фактически дало толчок к антигодуновскому восстанию в столице и свержению несостоявшейся династии при полном молчании иерархии (кроме, разумеется, Патриарха Иова), монастырских властей и остального духовенства.

Таким образом, два северских монастыря, чудотворный образ, монастырские служки со всего государства и простительно-обещательные грамоты Лжедмитрия I начинали «самозванцево время» для российского «священства».

Парадигма дальнейшего отношения нового царя к монастырям закрепилась лишь в негативном освещении благодаря нарративам пост-Самозванцево времени. Публицисты последовательно писали о намерении Самозванца ликвидировать институт монашества, переживив всех монахов и монахинь, а противящихся «под меч клонити». Более того, сам он «черноризиц юных оскверняше, многих же и отроков младых посмражаше»⁴³. Наличие такого же утверждения в записках иностранцев-современников⁴⁴ свидетельствует о появлении этого слуха в 1606 г. в среде оппозиции царю Дмитрию с целью привлечь к восстанию московское иночество. Позже это антиповедение Самозванца в изложении публицистов разрослось до огромных размеров. Авторы «Повести како отомсти», «Сказания о царстве царя Феодора Иоанновича», «Иного сказания» представляют следующую модель антиповедения Лжедмитрия I: «...самому образу Божию поругатися, и церкви Божия олтари хотел разорити, и монастыри и обителища иноческия раскопати, и православную христианскую веру во отпадшую веру с собою же равну сотворити, и костелы вместо Божиих церквей создати. И тако начаша жити, яко же и прочии иноязычницы еретицы, и ко идолопоклонянию православных христиан всячески понуждати восхоте, и многих черноризиц юнных осквернил, и отроков и отроковиц тако ж многих растли, и великий плачь и рыдание в людех сотвори, яко же николи такая беды находящая на ны»⁴⁵.

Таким образом, главное в антиповедении Самозванца, по словам официальных публицистов, было стремление уничтожить фундамент, основу основ жизни народа — Православную Церковь. Этот лейтмотив — главный во всех

⁴² СПбИИ. Архив. К. 115. Д. 444Ф. Л. 43 — 46 об.

⁴³ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 13. Стб. 55, 57, 165; *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 237; РНБ ОР. Ф. 717. Д. 21/1480. Л. 123 об.

⁴⁴ *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 352.

⁴⁵ РИБ. Т. XIII. Стб. 55, 818; *Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Ленинград, 1974. Т. 28. С. 248.

текстах обвинения. Соподчиненным ему выступает утверждение о планах Лжедмитрия I конфессиональной замены во всем государстве: православия как Истины — на католичество как отпадение от Истины. Все остальное — это описание «наоборот» норм жизни православного человека (т. е. то, что воспрещено, — делается, что заповедано, — искореняется). В этом, как считает Б. А. Успенский, проявился «миф о самозванце на троне, основывающийся на специфической русской концепции царской власти, т. е. на различении истинных и ложных царей»⁴⁶. Однако на примере Лжедмитрия I видно, как миф о Самозванце на троне создается правящей элитой и книжниками, но не действует или слабо действует в остальной среде. Более того, та же элита отказывается от созданного ею мифа Самозванца: после столь широкой пропаганды его Годуновыми, Патриархом Иовом, боярином Василием Шуйским — вся Боярская Дума и Освященный Собор принимают Лжедмитрия I за истинного царя, а затем вновь развивают миф о Самозванце, особенно после его смерти. Таким образом, в данном случае приходится говорить о «пульсации» указанного мифа, разных источников его происхождения и степени (социальной, региональной) распространения.

Главную идею и даже схему обличения антиповедения Самозванца Годуновым использовал и развил Василий Шуйский. Первоначально на этом основании он пытался привлечь больше союзников к заговору против «царя-ряженого». Геркман точно подметил, что заговорщики «употребляли средство, которое бывает очень могущественным орудием для низвержения с престола государей и властителей, а именно, они обвиняли (Лжедмитрия I. — В. У.) в ереси, в намерении изменить православную веру и вместо нее ввести веру польскую»⁴⁷. После расправы над Самозванцем в руки Шуйского попала его переписка с Папским престолом, католическими иерархами, польским королем и магнатами. Царь Василий не преминул воспользоваться этими документами, представляя «дипломатическую игру» Лжедмитрия I как истинные намерения и действия по их достижению. Выборочные документы в изложении и даже цитатах были включены в царские изобличительные грамоты, которые читались повсеместно перед народом и призваны были изобличать антиповедение, «злокозненные» замыслы Самозванца против веры, Церкви, государства, разных социальных слоев⁴⁸.

Немалую лепту в обвинительные акты Шуйского внесли братья Бучинские, ранее особо приближенные к Лжедмитрию I. В своих «показаниях» они как бы угадывали запросы и желательную для новой власти информацию: все штампы пропагандистской кампании Шуйского были изложены

⁴⁶ Успенский Б. А. Царь и самозванец: культурный феномен // Его же. Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 94.

⁴⁷ Сказания Массы и Геркмана о смутном времени в России. СПб., 1874. С. 278.

⁴⁸ РИБ. Т. 1. Стб. 90–106; Устрялов Н. Г. Сказания современников. Ч. 1. С. 349–354; Массы И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Публ. А. А. Морозова. М., 1937. С. 148–150.

в «распросных речах» Станислава и Яна Бучинских. В том числе они передавали «слова» Лжедмитрия I о твердом намерении ввести «римскую веру». Бучинские якобы увещевали его: «...за веру здесь и так нас не любят; а только стати неволею приводити, и за то станут всем народом». Слова Самозванца, «воссозданные» Бучинскими, обнажали всю систему антиповедения (в том виде, как ее оценивали следователи и сам Шуйский, ориентируясь на традиционное представление об антиповедении): «Видели де есте сами, что здесь делается: нарочком де есми приказал поляком и всяких розных вер людем ходити здесь в большую их церковь и по всем их церквам в саблях; и как хто ходит, и они де кабы сперва поговаривали меж себя тайно, а ныне де уже то ни за што. И яз де велел поляком носити кресты у поясов и ниже гораздо пояса и назади, а они де тому кланяютца и в церкви де так ходили, и за то де ништо никак человек никакова слова не молвил». Далее в таком же ключе Лжедмитрий I будто бы говорил о венчании с Мариной и приказе полякам надругаться над православными святынями, о сохранении царицей католической веры. Самозванец, по словам Бучинских, утверждал, что, уничтожив элиту, «тотчас велю костелы римские ставити, а в церквах русских пети не велю. И то де все совершу, на чом де есми присягал папе, и кардиналом, и арцыбискупом, и бискупом, и как де есми воеводе под клятвою в письме своем писал»⁴⁹.

Все эти «показания» Бучинских носили явные признаки конъюнктуры, доводя до абсурда образ свергнутого «антицаря». Однако без тени сомнения Шуйский целиком включил «свидетельства» Бучинских, и особенно передаваемые ими «слова» Лжедмитрия I, в обличительные грамоты. Например, в грамоте, посланной 6 июня 1606 г. в Пермь Великую, приведенные высказывания цитировались дословно⁵⁰. Только за два первых месяца правления Василий Шуйский разослал по стране и за рубеж более десятка подобных грамот (при этом речь идет только о сохранившихся текстах; на самом деле их было гораздо больше)⁵¹. Даже в чине венчания Шуйского на царство ми-

⁴⁹ Сб. РИО. Т. 137. С. 235–237. «Пискаревский летописец» приписывает Бучинским не зафиксированные нигде в допросных речах показания, будто после уничтожения всех российских вельмож Самозванец планировал «на Москве в соборной церкви у пречистые Богородицы престол разломати, и учинити латынскую церковь и все христианские церкви разорити, и учинити римскую веру во всей земли». Об этом Лжедмитрий I якобы говорил и послу Папы при Освященном Соборе: «И папин де посланник о том к нему приходил, потому де он при папине посланнике посадил патриарха и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и архимандритов, а сказал де он папину посланнику, что он тех всех духовных людей приведет в римскую веру. А и говорити де велел ему Бучинскому по-польску себе, а им по-латыне на посольстве, чтоб всем людем было незнатно в полате, а русскому того для толмачю и быти не веле» (ПСРЛ. Т. 34. С. 211).

⁵⁰ ААЭ. Т. 2. № 48. С. 108–110.

⁵¹ Царские грамоты 1606 г.: Май: 1) в Чернигов А. А. Телятевскому и С. Г. Звенигородскому (РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 80. Ст. 5–10; СГД. Ч. 2. № 144. С. 302–305); 2) в Путивль А. Бахтеярову (РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 81. Ст. 1–6); 3) грамота

трополит Новгородский Исидор, совершавший сам чин, должен был напомнить портрет «антицаря», «злочестивого и богоотступника, проклятого еретика, и православныя христианския веры гонителя», снявшего иноческую рясу и перешедшего в «латинство»⁵².

Акцию изобличения Лжедмитрия I поддержал также новопоставленный Патриарх Гермоген. Его определения (в грамотах митрополиту Ростовскому Филарету и епископу Суздальскому Илариону) низводили Самозванца до уровня антихриста: «сын дьявола», еретик, чернокнижник, «святителей с престола сверг; преподобных архимаритов, и игуменов, и иноков, не токмо от паств, но и от монастырей отлучил; священнический чин от церквей, аки волк, розгнал»; впустил в Успенский собор еретиков для надругательства, венчался с «девкой» «люторския веры»; хотел православие разорить и «латинство» ввести⁵³. Как видим, Патриарх Гермоген подчеркивал исключительно антидеяния Лжедмитрия I против Церкви, веры, святых обителей, хотя не мог не знать, что именно в отношении деяний на этот счет фактология практически отсутствовала. В свое время, когда самого Шуйского будут обвинять в многочисленных тайных казнях, святитель Гермоген будет требовать назвать имена казненных, и не услышав их, опровергать обвинения в сторону Шуйского, но в случае убитого Самозванца все, даже абсурдные, обвинения святитель констатировал без всяких доказательств, априори. Именно эти «программные параметры» обвинений были определяющими в обозначении традиционного поведения / антиповедения человека той эпохи.

от имени В. Шуйского и М. Нагой в Туринский острог 21 и 23 мая (РНБ ОР. Эрм. 358. Л. 2 — 4 об.); 4) грамота смоленского воеводы кн. И. С. Куракина старосте оршанскому Л. Сапеге по приказу царя 28 мая (РГАДА. Ф. 17. Д. 5. № 11. Л. 29–30). **Июнь:** 1) в Пермь С. Ю. Вяземскому, И. Федорову 2–6 июня (СГГД. Ч. 2. № 147; ААЭ. Т. 2. № 48. С. 106–112; *Бутурлин Д.* История... Ч. 2. Прил. С. 3–18; РГАДА. Портф. Миллера. Ф. 199. Д. 133. Ч. 1. № 16. Л. 41–48; СПбИИ. Архив. К. 122. Перепл. 7.1. № 19. 32 л.); 2) в Псков В. П. Морозову, Ф. А. Звенигородскому 10 июня (*Любомиров П. Г.* Новые материалы для истории смутного времени // Ученые записки Саратовского ун-та. 1927. Т. 5. С. 102–103); 3) в Казань С. А. Волоскому, М. С. Туренину 20 июня (ГИМ ОР. Собр. Уварова. Д. 593. Л. 240–258; *Тихомиров М. Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. 1951. Т. VI. С. 101–112); 4) в Соль Вычегодскую Ф. Верещагину 28 июня (РНБ ОР. Д. О. IV. 17. Л. 260 — 278 об.); 5) датскому королю Христиану IV (*Щербачев Ю. Н.* Датский архив // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. С. 178; РИБ. Т. XVI. СПб., 1897. № 95. Стб. 410–412); 6) В.-К. К. Острожскому (Дополнения к актам историческим, относящимся к России, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). Т. 1. № 151. С. 255–262). **Июль:** 1) в Великий Новгород М. П. Катыреву-Ростовскому, Б. Я. Бельскому 2 июля (РНБ ОР. Д. F. IV. 697. Л. 370–383; РГБ ОР. Ф. 236. Д. 2529. Л. 240–251; РИБ. Т. XIII. Стб. 73–95); 2) в Тобольск Р. Троекурову и И. Внукову 30 (?) июля (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 133. Ч. 1. Д. 18. Л. 53 — 54 об.).

⁵² ААЭ. Т. 2. № 47. С. 105.

⁵³ Там же. № 58. С. 130. № 57. С. 126–127; СПбИИ. Архив. Колл. 174. Оп. 2. Карт. V. Д. 250.

Научное издание

Василий Иринархович Ульяновский

«СВЯЩЕНСТВО» И «ЦАРСТВО» В НАЧАЛЕ СМУТЫ
Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 04.02.2021. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 65. Заказ № 2340. Тираж 500 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

ISBN 978-5-4469-1782-2

9 785446 917822